

Никулин Юрий Владимирович

Восп. Москва. - 1997. - 26 авг. - 05

«Мы все уходим понемногу...»

Какое жестокое лето! Один за другим ушли от нас Булат Окуджава, Святослав Рихтер, теперь вот Юрий Никулин. В эти горестные дни многие, вспоминая о Юрии Владимировиче, говорят о его необыкновенной, редкой доброте. И это так. Даже я, не будучи близко знакома с Юрием Владимировичем, при первом же разговоре с ним почувствовала неповторимое обаяние его характера. Наши редкие встречи — это встречи журналиста и артиста. Но они никогда не были официальными. Он умел так говорить с вами, что казалось и дистанции-то никакой не существует.

Я впервые познакомилась с артистом, который был членом общественного совета газеты «Вечерний клуб», где я тогда работала, на презентации газеты в 92-м году. Не знаю, почему, но увидав Юрия Владимировича в вестибюле, я подошла и,

— и под суд. А в зоне-то, знаете, как? Что плохо лежит, то твое».

Господа как-то обмякли, натянуто улыбаются и жмут руку Никулину, мол, до свидания, приходите. Я давилась смехом, но, чувствуя на своей спине недружелюбные взгляды, сдерживалась. Гардеробщик, мимо которого мы проходили, низко поклонился Юрию Владимировичу, и он ответил тем же и тут же, как ни в чем не бывало, тихо спросил меня: «Знаешь, почему он кланяется? Я забыл забрать у него свое пальто».

Выход был близко, и я, выскочив на улицу, хохотала так, как никогда в жизни. Ну Никулин! Ну артист! Ведь господа поверили ему, и, значит, его, Никулина, реноме вроде как пошатнулось: таскает на презентации свою воровку-племянницу! Но он, видимо, не мог упустить возможности «поиграть». Его чувство юмора просилось обнаружить себя. В конце концов мужики должны

при встрече он обязательно скажет что-то очень приятное для тебя, а иногда, поманив пальцем, доверительным шепотом, с очень серьезным лицом расскажет свой очередной анекдот.

Нет, однажды я все-таки видела его предельно сосредоточенным, как-то по-особенному внутренне собранным и тихим. Редакция «Вечернего клуба» пригласила артиста на прогулку по Москве-реке. Была плохая погода, как всегда это происходит, когда ждешь от нее милостей. Мы сидели за столом в кают-компании, и неожиданно Юрий Владимирович спросил меня: «А творец-то все-таки существует?», — указав взглядом на незамеченную мной прежде иконку Спасителя в углу кают-компании. Он ждал моего ответа, и я сказала, что уверена: существует. «Да», — как-то рассеянно и раздумчиво протянул он. Было понятно, что это очень важный для него вопрос

Что же вы, Юрий Владимирович...

просив разрешения, взяла его под руку и повела в ресторанный зал. Когда мы проходили огромным фойе, оркестранты заиграли знаменитую мелодию из «Бриллиантовой руки». Я незаметно взглянула на него. Непроницаемое каменное лицо. «Ну, — думаю, — не нравится, наверное, что вот так, несколько «в лоб» встретили». Потом, когда на эстраде шло представление, я очень волновалась, все ли хорошо у нас получается. И, оказавшись у столика Юрия Владимировича, услышала, что он окликает меня. «Садись, — говорит, — чего ты все ходишь? Все равно отсюда ничего не видно». Я, стоя у его кресла, с ужасом посмотрела на эстраду и не увидела ее — столик стоял слишком глубоко у стены. «И ничего не слышно, — добавил Никулин, — давай лучше анекдоты рассказывать».

В общем, весь оставшийся вечер мы провели за разговорами и, конечно, с его анекдотами. Помню, я спросила его про оркестр и ту мелодию. Не понравилось? Он ответил, что просто не ожидал такой встречи и сдерживал себя, чтоб не улыбнуться.

Надо сказать, что когда я звонила Юрию Владимировичу, то всякий раз представлялась его «племянницей». А он добродушно смеялся и говорил: «Ну, что там у тебя?». А история эта очень смешная. Однажды мы случайно встретились с ним на какой-то официальной презентации в «Президент-отеле». Помню, что купила в тот вечер отдельное издание записных книжек Сергея Довлатова. Но увидав Юрия Владимировича, решила: он обрадуется такому подарку. И отдала Довлатова ему. Но лучше б я этого не делала! Потому что потом, всякий раз, видя меня, он вспоминал про книжку и благодарил. Я даже однажды сказала ему, что потребую Довлатова назад, если он про него не забудет. «Забыл». А «племянницей» я стала вот как. Юрий Владимирович собрался уезжать с той презентации в «Президент-отеле», а так как на улице стояла тридцатиградусная жара, а ему еще предстояло ехать на машине на дачу, я машинально взяла с нашего столика баночку «Колы» ему в дорогу, не видя в том ничего криминального.

Идем мы, значит, с ним по роскошному ковру к выходу, а там стоят два очень важных джентльмена. Потом я узнаю, что один из них был директором отеля.

Подходим к ним, останавливаемся, и я ничего не могу понять: оба с выражением крайнего недоумения на лицах смотрят куда-то вниз, где кончается моя опущенная левая рука. Я даже не успела сообразить, что банка «Колы», взятая с презентации, это, по их мнению, плохой тон. Выручил Никулин. Очень серьезно он произнес: «Знакомьтесь, моя племянница. А, банка? Вы уж извините ее. Она только что освободилась из заключения. Да-да, сидела. И представьте себе, за что?». И он начинает «с ходу» придумывать мою «историю». Я, поняв его, опускаю с виноватым видом лицо. А Юрий Владимирович продолжает: «Она у нас сангигиенист. Ну, там, мыши, крысы, тараканы. Работала, между прочим, в Кремле. И по рассеянности насыпала яду не там, где надо. Кто-то заметил, подумали диверсия

были не заметить копеечной банки «Колы», которую я все-таки бросила на заднее сиденье машины для Юрия Владимировича.

Я никогда не слышала от него отказа ни в одной просьбе — будь то интервью или билеты на очередную осеннюю премьеру в его цирке. У меня до сих пор хранятся билетки, на которых он всегда для всех знакомых рисовал ручкой свой профиль в знаменитой шапке. И ставил автограф.

А вечером, идя в цирк, к артистическому входу, видела вереницу людей все с теми же билетками. Мне кажется, он не отказал и в знакомому человеку, попроси тот его. Немногим, наверное, известно, что каждый год на свою цирковую программу он приглашал всю группу детского сада, который посещал его внук. Да и сам он часто приходил в детские дома с подарками.

Я помню каждую встречу с Юрием Владимировичем до мельчайших подробностей. Никогда не видела его мрачным или рассерженным. Его лицо всегда было оживлено неповторимой никулинской улыбкой. Всякий раз

и что он часто задает его себе.

...Все редакции газет обрывали никулинский телефон в цирке накануне его 75-летия. Звонила и я. Юрий Владимирович сказал, что интервью у него просят двенадцать газет, а он не в силах провести так много встреч. Я его понимала и обреченно смирилась. Какова же была моя радость, когда он позвонил и пригласил в свой потрясающий кабинет, заполненный смешными куклами-клоунами, всякими подарками — самый веселый кабинет на свете! Интервью он дал только «Вечерке», «Комсомолке» и «ТВ-парку». И, как всегда у него водилось, угощал кофе. Помню, я спросила, почему после него вот уже столько лет нет хорошего циркового клоуна? Юрий Владимирович запротестовал, как же, мол, нет! Есть. И назвал ничего не значащую для меня фамилию провинциального артиста. Я понимала, он был абсолютно искренен. И он не был бы Никулиным, согласись со мной, что последний цирковой клоун пятнадцать лет назад оставил манеж, но не оставил пустоты на нем.

Пустота образовалась сейчас.

Татьяна ГЛИНКА

Фото из архива «ВМ»